

РУССКОГОВОРЯЩИЕ АМЕРИКАНЦЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ*

И.Е. Дубинина, М.С. Полинская
Университет Брендайса, Гарвардский университет

Задача статьи, предлагаемой ниже читателю,—представить краткое описание разновидностей русского языка, который характерен для выходцев из России, живущих в США. По переписи 2010 г., их около 800 тысяч. Русский язык является одним из десяти самых распространенных языков США за вычетом английского, и число носителей русского в США, по данным последних переписей, стабильно растет (Potowski 2010, Kagan and Dillon 2010). Этот рост является следствием значительного притока русскоязычного населения, покинувшего СССР в 1970 и 1980 гг., и более свежей волны иммигрантов из России и СНГ, происходящей в постсоветский период. Хотя русские на территории Америки появились еще в XVIII веке и прибывали разными «волнами» на протяжении XX века, лишь немногие потомки этих старых эмигрантов говорят по-русски. Внимание, которое мы хотим уделить наиболее недавним эмигрантам из России и СНГ, объясняется тем, что именно эти люди, относительно недавно уехавшие из языковой метрополии, еще говорят по-русски.

Основная масса эмигрантов, переселившихся из СССР в США в 1970 -80 гг., состояла из евреев, которые получили возможность эмигрировать (формально в Израиль), благодаря советско-американским соглашениям

---

*Авторы благодарны В.И. Беликову, Е.В. Бешенковой, Н.Б. Вахтину, В. А. Грибановой, О.Е. Каган (UCLA), О. Каган (Hebrew University), М.А.Кронгаузу, О.В. Лалэко, А.В.Михайловой, Е.В. Муравенко, А.С. Николаеву, Е.Ю. Протасовой, И. Секериной, Я.Г. Тестельцу, членам Лаборатории лингвистических исследований Гарвардского университета, а также участникам конференции "Slavic Languages in Emigration and Remigration" при Венском университете и конференции «Русский язык зарубежья» при РГГУ за ценные замечания по этой работе. Исследования, представленные в этой статье, выполнены при поддержке Университета Брендайса, Дэвисского центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета, деканата гуманитарных наук Гарвардского университета, Национального центра по изучению семейных языков при Калифорнийском университете (National Heritage Language Resource Center, UCLA) и Центра лингвистических исследований при Калифорнийском университете (Center for Research in Language, UCSD).

времен заката холодной войны. Эти люди уже в СССР были глубоко ассимилированы, их родным языком в подавляющем большинстве был русский, а связанная с ним культура отражала русско-советский стандарт¹. В перечне волн русской эмиграции в США, который ведется с начала XX века, эти переселенцы представляют так называемую *третью и четвертую волны* (Andrews 1993a, 1999; Пфандль 1994). Эмигранты третьей/четвертой волны не собирались возвращаться в Россию, и для них сохранение русского языка имело скорее сентиментально-ностальгическое, чем практическое значение.² *Пятой волной* (которая, строго говоря, еще продолжается, отчего сам термин *волна* может показаться странным) можно считать эмиграцию постсоветского периода, которая часто обусловлена образовательными и профессиональными возможностями в США; она складывается из представителей разных национальностей. Отличие этой последней волны от всех предыдущих заключается в том, что постсоветские переселенцы не были вынуждены уезжать навсегда, без возможности возвращения в Россию. Кроме того, с падением железного занавеса, распадом СССР и распространением Интернета, возможность быть в курсе событий на бывшей родине стала гораздо более доступной. Поэтому русский язык для постсоветских эмигрантов остается более реальной языковой необходимостью.

Различие между третьей/четвертой и пятой волнами, вероятно, сыграет свою роль в сохранении русского языка в Америке. Хотя мотивационное различие между волнами вполне реально и может принести свои плоды, в 2011 г., когда пишутся эти строки, судить о его результатах еще рано, и поэтому мы будем рассматривать все три волны как одно большое

---

¹ До сих пор нет точных данных, какое количество неевреев на самом деле сумело выехать под флагом еврейской эмиграции, либо через смешанные браки, либо посредством поиска каких-то фиктивных еврейских предков, но можно предполагать, что таких было немало.

² Весьма детальный анализ истории, причин и результатов эмиграции из СССР можно найти в работе Isurin 2011.

образование.³ Наиболее существенным для нас будет различие между эмигрантами первого и второго поколения, к языку которых мы и перейдем в последующих разделах. Однако прежде чем обратиться к чертам русского языка в Америке, приведем краткое социо-демографическое описание русскоязычного населения США.

Русских эмигрантов можно найти во многих американских городах и почти в каждом штате. Хотя они и не сформировали компактных районов проживания, как это сделали представители других национальностей, иммигрировавших в США в начале XX века (за исключением знаменитого района Брайтон-Бич), русскоязычные наиболее плотно поселились в мегаполисах Америки: в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Хьюстоне (Andrews 1999). В этих городах они открыли многочисленные частные детские сады, центры по уходу за престарелыми (которые, кстати, называются в американском русском быту *детскими садиками*, обязательно в уменьшительной форме), культурные и образовательные центры, магазины. Начиная с 1980 гг. количество русскоязычных печатных изданий непрерывно росло, но в последнее время, в связи с распространением Интернета, оно начало снижаться (явление, впрочем, не уникальное для русского языка). Тем не менее, в русских магазинах, которые есть во всех крупных городах Америки, можно купить периодику на русском языке, печатающуюся не только в США, но и в России. В США существует несколько крупных теле- и радиоканалов (Русский мир, РТР-Планета, RTVi, NTV America, Первый канал; Davidzon Radio в Нью-Йорке, New Life Radio в Чикаго), а также транслируются передачи из России и Израиля. Точных данных о том, кто это читает и смотрит, пока нет, но, судя по опросам русскоязычного населения, основными потребителями русскоязычных СМИ

---

³ Еще одним соображением в пользу такой нерасчлененности является демографический дисбаланс: эмигрантов третьей и четвертой волн гораздо больше, в силу времени они более интегрированы в экономическую жизнь США, и поэтому могут задавать и языковой, и культурный тон, которому пятой волне приходится хотя бы отчасти вторить.

являются люди среднего и пожилого возраста. Молодое поколение, как мы увидим ниже, читает в основном по-английски.⁴

Русский язык первого поколения

«Американский русский» более ранних волн был хорошо описан Мортоном Бенсоном (Benson 1960). Бенсон одним из первых указал на существенную разнородность русскоязычного населения Америки: от пуристов, сохраняющих тот язык и стиль, с которыми они уехали из СССР, до оппортунистов, смешивающих русский с английским в тех количествах, которые им удобны.

Если отвлечься от пуристов, всегда находящихся в меньшинстве, как в метрополии, так и в эмиграции, нельзя не заметить, что язык большинства эмигрантов первого поколения, т.е. людей, приехавших в Америку во взрослом возрасте, все же меняется. Во-первых, происходит нивелирование регистров, при котором в язык даже высокого стиля проникают просторечия и бесчисленные региональные формы; речевые стили активно смешиваются, а сословные различия стираются еще более, чем в метрополии. Во-вторых, в языке эмигрантов часто возникает новая норма, отличная от той, которая существует в метрополии. В США эта норма в 1970-1990 гг. явно ориентировалась на южные варианты русского языка, так как до недавнего времени носителей этих вариантов было больше, чем носителей российской нормы, ориентированный на среднерусский вариант (Andrews 1994, 1999, 2006). Примерами могут являться сочетание предлога *за* с глаголом *скупать*, использование нередуцированной формы возвратной частицы после гласных (*купалася, старалися*), и использование союза *или* вместо союза *если* в косвенной речи (см. ниже, примеры (16), (17)).

Как это часто бывает в эмигрантских языках, русский язык в США присваивает слова из доминантного языка, которые становятся своеобразными маркерами адаптации в новом обществе: например, *но*

---

⁴ Более подробно о социальном и демографическом составе русскоговорящего населения США см. Andrews 1999, Polinsky 2000, Kagan and Dillon 2010, Isurin 2011.

(произносимое как [ˈno]) вместо *нет*, слова *паунд* (вместо *фунт*), *эрия* (от англ. *area*, вместо *район*) и некоторые другие (см. Polinsky 2000, 2006).

Определенным изменениям подвергается даже относительно устойчивая область фонетики: для языка первого поколения характерен нестандартный интонационный контур в декларативных предложениях - интонация подъема (Andrews 1993b; Polinsky 2000).

Лексические заимствования в ситуации языкового контакта неизбежны, и их описание является делом нелегким: их трудно предсказывать и хоть сколько-нибудь интересным образом систематизировать. Остается ограничиваться замечаниями о том, что язык заимствует новые слова, отражающие новые или несхожие понятия. Однако русский язык постсоветской эпохи предоставляет нам редкую возможность сравнить изменения, происходящие в ситуации интенсивного языкового контакта (язык эмигрантов), с процессами, двигающими развитие языка в метрополии. Дело в том, что в силу мощных социальных катаклизмов постсоветской эпохи, русский язык метрополии тоже претерпевает очень сильные и быстрые изменения и так же, как американский русский, находится под значительным влиянием английского (Кронгауз 2008; Левонтина 2010). Являются ли схожие языковые процессы редкой в истории возможностью для языка эмигрантов и языка метрополии сохранить заветное сходство, несмотря на разделяющий их океан? Думается, что нет; скорее, данная ситуация является редкой в истории языкознания возможностью показать, что лексическое влияние языков друг на друга носит довольно случайный характер.

В большинстве случаев, оба варианта русского языка, русский в метрополии и русский в США, заимствуют английские слова одинаковым образом; и вот уже *больница* становится *госпиталем* и в Москве, и в Чикаго, а *список* превращается в *лист* по обе стороны Атлантики. К устоявшимся заимствованиям в обоих вариантах русского языка, можно добавить *шоппинг*, *джоб-офер*, *риелтор*, *брокер*, *резюме*, *гламур*, *римейк*, *трафик*, *вездесущие вау и упс*, и др. (см. также Левонтина 2010). Однако, наряду с совпадениями

существуют и различия.

Во-первых, американский русский чаще заимствует слова из английского фонетически, по произношению, в то время как русский в России до недавнего времени заимствовал по написанию; отсюда такие дублиеты, как *Харвард* и *Гарвард*, *Юсиэлэй* и *ЮКЛА/УКЛА* (UCLA), *Эсэйти* и *CAT* (SAT), *калидж* и *колледж*, *пари*⁵ и *парти/пати* и др.

Во-вторых, русский язык в метрополии охотно заимствует и из британского, и из американского английского; отсюда встречающиеся в метрополии *карпарк* или *флэт*, известные американскому русскому только как *паркинлот* (<parking lot) и *апартамент* (<apartment).

Несомненно, однако, что контакт с английским значительно более интенсивен в условиях эмиграции, и это дает себя знать в асимметрии заимствуемых частей речи. Как правило, легче всего заимствуются существительные, а глаголы или функциональные элементы (предлоги, союзы) заимствуются в случае более интенсивного языкового контакта (Thomason and Kaufman 1988: Myers-Scotton 1993, 2002). И действительно, русский язык в метрополии заимствует преимущественно существительные;⁶ из широко употребляемых глаголов в русском языке метрополии нам встретились немногие; среди них, к примеру, слова *мониторить*, *постить* (*на блоге*) и *пиарить* (последнее, впрочем, вполне законно образовано от заимствованного существительного *пиар*, из англ. *PR*). Между тем, американский русский свободно заимствует и адаптирует глаголы самого разного рода, например:

- (1) Я уже аплейнула (аплайилась/аплаялась) (< *apply*) на работу.
- (2) Я не энджояла (< *enjoy*) свой апартамент, до того что уже была готова

---

⁵ Американское русское *пари* отражает характерное для американского и австралийского вариантов английского произношение *t* после *r* как одноударного альвеолярного.

⁶ Исключением являются сферы новых технологий, в частности компьютерная технология, где заимствуются и глаголы.

- игнорировать (< *ignore*, вместо *не обращать внимания на*) рент-контроль.⁷
- (3) За что можно так мисать (< *miss*) эту Вашу Калифорнию? Я вот не скучаю так за Харьковом.
- (4) На круизе будут больше энтертейнать (< *entertain*).
- (5) Все эти стоки рейзнули (< *raise*).⁸
- (6) Она с ним брейкапнула (< *break up*), и он тут же энгейджнулся (< *engage*), так что выходит, он ее все это время обманывал.
- (7) Уже знаунснули (< *announce*) новую программу?
- (8) Лучше лизовать (< *lease*), не надо сразу все платить, и иншуранс⁹ меньше.
- (9) Я уже чекнулся (< *check in*), а их все не было, мне пришлось ждать, и это всегда меня делает очень nervous.
- (10) Родители почти не юзают (< *use*) дишвошер.
- (11) Ты должен побыстрее окешить (< *cash*) этот чек.
- (12) Вы рентуете (< *rent*) или купили?

Внедрение глаголов в американский русский подчас приводит к интересным семантическим гибридам: если в русском уже есть похожий глагол (ср. выше пример (2) или (14) и (15) ниже) или глагол уже заимствован (как правило, через латынь), его исходное значение утрачивается, и он приобретает значение, навязываемое английским употреблением. Например:¹⁰

- (13) Вот старинный отель, в котором мы стояли (*стоять+ stay*). Там

---

⁷ Ограничения на повышение квартирной платы.

⁸ Правильным было бы заимствование непереходного глагола *rise*, но здесь применен переходный *raise*.

⁹ Страховка (от *insurance*).

¹⁰ Случаи семантической интерференции встречаются, конечно же, и за пределами глагольного словаря; ср. слово *сезон*, которое и в американском русском, и в русском в метрополии постепенно вытесняет *время года*, или *специальный* в значении 'особый'.

останавливался также Тенниси Уильямс¹¹

- (14) Республиканцы спекулируют (< speculate), что реформа не пройдет.
 (15) Он совсем сконфузился (=запутался, < get confused).
 (16) Меня их развод очень шокировал (= потряс, < shock)¹²

Интенсивный языковой контакт всегда чреват калькированием, и в американском русском много калек с английского, что было отмечено еще Бенсоном (Benson 1960). Вот лишь некоторые примеры: *брать выход (экзит), урок, курс, автобус, время; делать апойнтмент, резервацию, налоги/таксы; записать карандашом* (в значении 'договориться неокончательно'); *работать/платить под столом* (в значении 'работать/платить нелегально'); *поступить в школу* (в значении 'в университет', т.к. по-английски университет - *school*) и т.д. (см. также Mikhaylova 2006).

Мы уже упоминали выше, что американский русский смешивает разные диалектные варианты русского языка — явление нередкое в языках эмиграции в целом (ср. то же самое можно наблюдать в истории американского английского, см. Algeo and Pyles 2004: Ch. 9). Помимо распространения региональных лексических форм, следует отметить широкое распространение подчинительного *или* вместо нормативного *ли*, характерное для южных вариантов русского языка. Однако в американском русском такая конструкция встречается и у эмигрантов, приехавших из других диалектных ареалов. Вот пример из речи женщины, приехавшей в США из Москвы в возрасте 36 лет:

- (17) Я сомневаюсь, *или* это Вам будет интересно.

Лексические изменения и смешение диалектных форм являются, безусловно, наиболее заметными последствиями языкового контакта. Однако

---

¹¹ Ср. *стоять* в первом предложении и правильную форму *останавливаться* во втором.

¹² Такое же употребление *шокировать* встречается теперь и в метрополии (Левонтина 2010: 139-141).

язык первого поколения эмигрантов претерпевает и более тонкие, менее заметные на первый взгляд, изменения. Более подробно мы остановимся на двух таких процессах: изменение порядка слов и утрата нулевой прономинализации.

В письменной речи эмигрантов изменения порядка слов довольно незначительны (см. аналогичное наблюдение еще у Бенсона). Те незначительные изменения, которые можно заметить, легко отнести к поспешному переводу с английского, как, например, в следующем отрывке, в котором об английском влиянии говорят и пунктуация, и написание некоторых слов, и связывание в последнем предложении (*напишите свои/#Ваши комментарии...*):

- (18) Если для вас компьютер - как наркотик: вы сидите весь день перед экраном, несмотря на мышечные боли в спине и шее, а также головные боли - эта программа для вас! ErgoReminder будет напоминать вам, что надо сделать перерыв каждые заданные промежутки времени, при этом она отключает клавиатуру и мышь на это время. Разомнитесь - посмотрите в окно или сделайте упражнения - иначе вы заработаете себе остеохондроз, мигрень и проблемы со зрением. Напишите ваши комментарии об этой программе!

http://webideas.com/rusam/index_win.htm (accessed 12/2/2010)

В разговорном языке изменения порядка слов более заметны, и одним из характерных изменений является ослабление порядка «глагол - подлежащая именная группа» (VS) при введении нового участника (например, *Выходит Дед Мороз из машины*). При пересказывании известной истории о мальчике, собаке и лягушке (Frog story: Mayer 1967; Berman and Slobin 1994), взрослые носители русского языка метрополии используют от 6% (Isurin and Ivanova-Sullivan 2008) до 9% VS (наше исследование), а носители американского русского -- около 3.6% этой конструкции (наше исследование). Утрата гибкости порядка слов часто отмечается в исследованиях языковых

контактов (ср. Thomason and Kaufman 1988; Seliger and Vago 1991), но, насколько нам известно, в отношении русского языка эмигрантов первого поколения таких наблюдений пока мало, поскольку внимание традиционно уделялось именно письменной речи, где эти изменения незначительны.

Неожиданное отличие русского языка эмигрантов от языка метрополии обнаруживается в сфере нулевой прономинализации. В русском языке допустимо (а в некоторых случаях и желательно) опущение кореферентного местоимения в позиции подлежащего при подчинении, например:

(19) Я надеюсь, что (я) успею попасть на твой день рождения

(20) Ты боишься, что (ты) не сможешь с этим справиться?

(21) Красная Шапочка была уверена, что (она) перехитрит злого волка

Мы провели пилотный эксперимент, в котором попросили носителей языка оценить предложения, подобные (19) - (21), по шкале от 1 до 7 (1: совершенно недопустимо, 7: полностью допустимо). Носители русского языка в метрополии отдают некоторое предпочтение примерам, в которых подчиненное предложение содержит нулевое местоимение (*pro*), а русскоязычные эмигранты в Америке предпочитают предложения с выраженным местоимением. На первый взгляд можно счесть, что это влияние английского:¹³ в аналогичных (19) - (21) предложениях английского языка нулевое местоимение невозможно, ср.

(22) I hope that *(I) will make it to your birthday party

---

¹³ О других примерах влияния английского на русский язык в эмиграции см. Isurin 2007, где рассматривается особенно интересный случай - носители русского языка, которые не просто пользуются им, а преподают его иностранцам, а, следовательно, особо заинтересованы в том, чтобы их русский язык сохранял первоначальную чистоту.

Однако это объяснение едва ли имеет под собой основу по двум причинам. Во-первых, далеко не все эмигранты первого поколения владеют английским до такой степени, что он может вызывать интерференцию в такой тонкой области грамматики. Большинство опрошенных в нашем эксперименте оценили свое владение английским как «слабое» или «среднее» (в этом одно из отличий нашего круга испытуемых от тех, кто описан в работе Исуриной (Isurin 2007)). Во-вторых, мы также рассмотрели русский язык, на котором говорят в Израиле. Он тоже проявляет тенденцию избегать нулевой прономинализации, а между тем, в иврите нулевая прономинализация в 1-ом и 2-ом лице предпочтительна или даже обязательна (Borer 1989, Melnik 2007). Сравнение американского русского, израильского русского и русского языка метрополии показано на рис. 1.

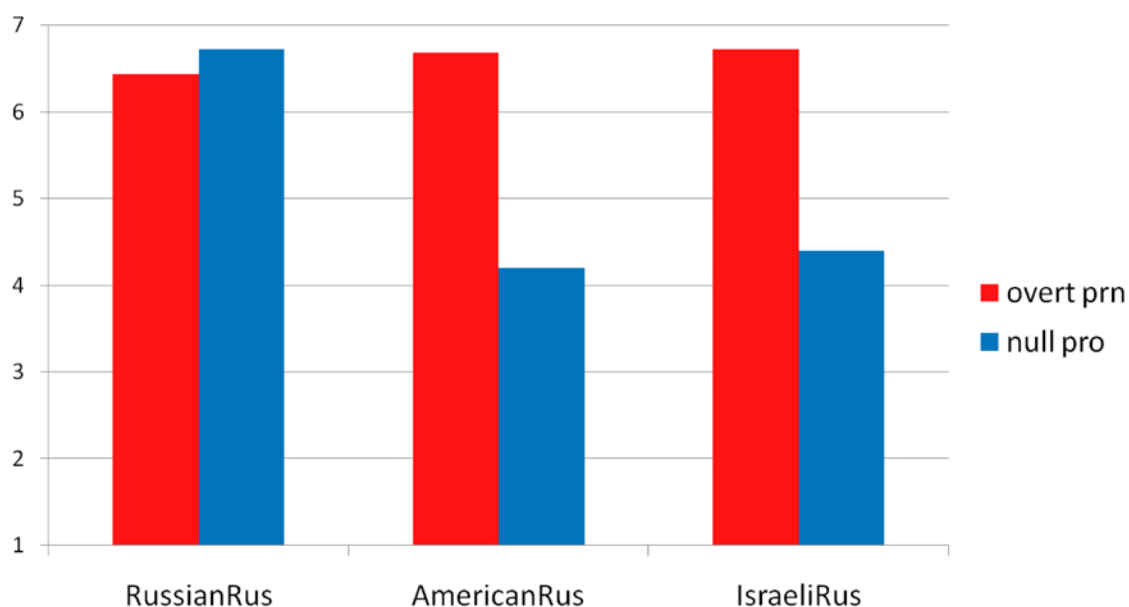

Рис. 1. Оценка ненулевой (*overt*) и нулевой (*pro*) прономинализации при подчинении, по шкале 1—7, русский язык в метрополии, американский русский и израильский русский (20 человек в каждой группе, средний возраст 43 г.).

Аналогичные изменения, связанные с утратой нулевой прономинализации, наблюдаются также в итальянском и испанском языках в эмиграции (Sorace 2004, Sorace and Serratrice 2009) при том, что эти языки, в отличие от

русского, имеют стандартную нулевую прономинализацию даже в матричных предложениях.

Почему же язык вне метрополии утрачивает «способность к молчанию»? Полного ответа на этот вопрос пока нет, но Сораче и ее коллеги высказывают следующую гипотезу: если язык находится вне своей «питательной среды», изменения, прежде всего, касаются его слабых звеньев, а такие звенья обычно находятся на стыке двух или более грамматических компонентов (interface). Нулевая прономинализация подчиняется одновременно синтаксическим правилам (нулевое местоимение может появляться только в определенных синтаксических позициях: в данном случае, в позиции подлежащего подчиненного предложения) и правилам актуального членения (денотат этого местоимения должен совпадать с денотатом ближайшей темы). Синтаксис и актуальное членение не состыкованы должным образом: либо потому, что правила их стыковки не закреплены в грамматике говорящего, либо потому, что на стыковку не хватает реального времени (так называемая проблема «процессинга»). При употреблении лексического местоимения требуется меньше усилий на установление его кореференции с предшествующей темой, и поэтому такая конструкция имеет преимущество по сравнению с конструкцией, где местоимение не выражено.¹⁴

Каким бы ни оказалось объяснение асимметрии ненулевого и нулевого местоимения при языковом контакте, факт этой асимметрии перед нами. Он интересен также и тем, что показывает, что язык даже первого поколения эмигрантов не защищен от структурных перемен: можно не знать язык своей новой страны, но родной язык все равно подвергается серьезным изменениям. Вопреки распространенному взгляду о том, что все изменения в языке эмигрантов заложены уже в языке метрополии (Гловинская 2001, 2004, Земская 2001), не все переменные можно охарактеризовать подобным образом. Некоторые могут возникнуть уже в диаспоре; по-видимому, они связаны с

---

¹⁴ См. обсуждение в Benmamoun et al. 2010; Montrul and Polinsky 2011.

универсальными принципами устройства языка и происходят независимо от процессов, влияющих на язык метрополии. Мы не всегда знаем, каковы эти принципы, но важно, что изучение языка эмигрантов, языка, находящегося в условиях контакта, позволяет нам их увидеть (Benmamoun et al. 2010). И нигде так не заметен архитектурный замысел языка, как в языке второго поколения эмигрантов - семейном (домашнем, или наследном) языке, сохраняющем подчас самые базовые принципы, необходимые для существования языка как системы. К этому языку мы и перейдем в следующем разделе.

Семейный русский язык: язык второго поколения эмигрантов

Начнем с некоторых общих замечаний. Во-первых, язык второго (и дальнейших) поколений эмигрантов, принадлежащих любой этнической группе, стал объектом внимания американских и европейских лингвистов лишь недавно, в конце XX века – и это несмотря на установившуюся и значительную традицию иммиграции в США и Западную Европу. В российскую лингвистику понятие языка эмигрантов второго поколения как отдельного явления пришло еще более недавно, и как оказалось, без названия. Английский термин *heritage speaker*, широко применяемых в современной англоязычной литературе¹⁵, трудно переводится на русский язык, а «билингв» и «носитель языка» являются неадекватными, т.к. первое предполагает баланс языков (а у эмигрантов второго поколения такого баланса, как правило, нет), а второе приравнивает язык эмигрантов, выросших в окружении какого-то другого языка, к языку людей, существующих в метрополии, где домашний язык является также главным или единственным.

В российской лингвистике уже предпринимались попытки найти название изучаемому явлению, и были предложены названия «домашний»

---

¹⁵ Обсуждение этого термина и истории его появления в англоязычной литературе можно найти в статье Polinsky and Kagan 2007.

или «семейный» язык. Мы хотели бы предложить еще один термин для описания самих эмигрантов второго поколения (а не их языка) - «люди с унаследованным русским», сокращенно ЛУР(ы). Как нам кажется, этот термин наиболее адекватно описывает язык второго поколения эмигрантов.

Несмотря на то, что ЛУРы явили себя науке лишь недавно, их язык быстро стал объектом пристального внимания значительного ряда исследователей (включая и авторов этой статьи), и о нем уже довольно много известно (Andrews 1994, 1999, 2001; Isurin 2000; Isurin and Ivanova-Sullivan 2008; Bermel and Kagan 2000; Kagan and Dillon 2010; Laleko 2008, 2010; Pereltsvaig 2008; Polinsky 1997, 2000, 2006, 2008a,b, 2011; Smyslova 2009). В данном разделе мы попытаемся обобщить новейшие исследования и набросать языковой портрет ЛУРов.

Второе уточнение касается того факта, что не все эмигранты второго поколения говорят на семейном русском. Некоторые являются более или менее сбалансированными билингвами, но таковых во втором поколении американских русских мало (Bermel and Kagan 2000; Polinsky 2000). Сохранение языка у ЛУРов подкрепляется регулярными поездками в Россию и в целом коррелирует с количеством лет, проведенных в русской школе (Kagan and Dillon 2010): ребенку, хоть сколько-то учившемуся в России, легче сохранить русский язык, чем ребенку, родившемуся в русскоязычной семье в Америке, но обучающемуся в американской школе. Это относится не только к русскому языку в США, но и к другим эмигрантским языкам в Америке и других странах. Например, аналогичные наблюдения были сделаны Halmari (2005) относительно финского языка второго поколения эмигрантов.

Как ни печален этот факт для тех, кто дорожит чистотой русского языка, бóльшая часть русскоязычных эмигрантов второго поколения являются нестабильными билингвами, или как мы их назвали, ЛУРа́ми. Это люди, которые с детства были погружены в среду русского языка, может быть, даже начали говорить только на нем, но потом, как правило, в связи с началом обучения в англоязычной школе, стали уделять больше внимания второму языку, который постепенно стал их доминантным языком. К моменту

окончания общеобразовательной американской школы (т.е. во взрослом возрасте) они понимают и, скорее всего, все еще говорят по-русски, но их русский значительно отличается от русского метрополии или даже от русского их родителей (первого поколения), и им легче говорить на главном языке своей страны - американском английском. Ниже мы рассмотрим некоторые особенности семейного русского языка и сферы его использования в Америке.

Интересны цифры, показывающие, с кем ЛУРы говорят по-русски (Kagan and Dillon 2010): с родителями (85%), с бабушками и дедушками (95%), с чужими «взрослыми» (72%) и со сверстниками (12%). Последняя цифра - несомненный показатель утраты языка, сужения сферы его употребления, так как при малейшей возможности перейти на английский, когда для них становится очевидно, что собеседник хорошо владеет этим языком, ЛУРы так и поступают. Кроме того, у тех из ЛУРов, что говорят по-русски относительно свободно, часто отмечается переключение кодов (code switching), см. Schmitt 2000, Mikhaylova 2006, Pavlenko 2003. Блюстители языковой чистоты любят сетовать на это переключение кодов и порицать повинных в нем эмигрантов второго (и первого) поколения, хотя в действительности такое переключение кодов свидетельствует об относительной крепости языка, а не о его разложении, так как переключение характерно для сбалансированного двуязычия (Myers-Scotton 1993, Backus 1996, Poplack 2004 и др.). Те, кто хуже говорит по-русски, как правило, с легкостью не переходят с языка на язык в одном предложении, так как им не хватает для этого ни понимания структуры языка, ни уверенности в своих языковых навыках. Они стараются говорить на одном языке, и при этом русская речь дается им мучительно, в основном из-за трудности в подборе слов.

ЛУРы слышат то, что говорят вокруг них (т.е. язык своих родителей с теми кальками, лексическими заимствованиями и прочими изменениями, о которых шла речь выше), и эти изменения в их речи развиваются еще сильнее. Например, у ЛУРов ослаблена (или совсем отсутствует) не только

нулевая проминализация при подчинении (что уже есть в американском русском), но и при сочинении, ср.:

(23) Мальчик удивился и *он* стал радостным, потому что черепаха жила
(Isurin and Ivanova-Sullivan 2008)

(24) Я встала к двух часам и я вчера почти то же самое время встала

Выше уже отмечалось снижение употребления порядка слов VS в американском русском. В языке второго поколения этот порядок употребляется еще реже (по данным Isurin and Ivanova-Sullivan 2008, около 2% всех предложений в устных нарративных текстах), а кроме того, отмечается неадекватное использование этого порядка, ведущее к неадекватным вариантам актуального членения (например, рематизация подлежащего там, где его денотат давно введен и не требует статуса ремы). Например, в уже упоминавшемся рассказе о мальчике, собаке и лягушке, при описании сцены, в которой мальчик и собака (оба персонажа уже введены) просыпаются, один из ЛУРов говорит:

(25) Мальчик проснулся, и тоже проснулась собака...

Помимо развития тех характеристик, которые уже есть в американском русском, русский язык второго поколения имеет ряд необычных грамматических черт, которые отдаляют его от русского языка в чистом виде и одновременно сближают с другими эмигрантскими языками второго поколения. В число этих черт входит сокращение и нивелирование системы падежей (Polinsky 2000, 2006), ослабление видовых ограничений (Pereltsvaig 2008, Polinsky 2006, 2008a, Laleko 2008, 2010), реорганизация категории рода

(Polinsky 2008c) и ослабление и реорганизация подчиненных связей, например, использование *если* вместо *ли* при подчинении, ср.¹⁶

(26) Зачем ты спрашиваешь, *если* ты завтра будешь к нам приходить?

Последний пример, в котором неверно, с точки зрения русского языка, употреблено аналитическое будущее (*будешь приходить*), указывает на еще одну черту языка второго поколения: общее усиление аналитизма, которое в свою очередь связано со значительными изменениями в морфологии (см. вышеупомянутые структурные сокращения). Принято считать, что ЛУРа́м трудно только говорить, так как у них нет автоматизма во владении языком, но что это никак не отражается на их понимании. К сожалению, эта точка зрения не подтверждается конкретными исследованиями. Иллюзия понимания возникает потому, что до недавнего времени такие носители наблюдались либо в домашней обстановке, либо в рамках урока: и в том, и в другом случае контекст строго задан, и ошибиться в чем-то трудно. Недавнее исследование Секериной и Пугач (Sekerina and Pugach 2005) показывает, что при отсутствии привычного контекста или при возможности множественных значений у ЛУРов страдает понимание (тогда как компетентный носитель языка не теряет понимание и при многозначности). В этом исследовании взрослым испытуемым показывали предметы, изображенные на рис. 2, и давались следующие задания:

(27) Положите лошадку на тарелку и в коробку

(28) Положите лошадку на тарелке в коробку

---

¹⁶ Как мы уже отмечали, это использование *если* связано с интерференцией английского (оно встречается и в речи американцев, изучающих русский язык), однако оно дополнительно подкрепляется употреблением союзного *или* в речи первого поколения.

Рис. 2. Многозначный контекст, использованный в эксперименте на понимание (Sekerina and Pugach 2005)

Контрольная группа (русскоязычные испытуемые в метрополии) легко справлялась с заданием, в то время как ЛУРы испытывали серьезные трудности и путали лошадку на тарелке с лошадкой, которую надо было положить на тарелку. Объяснение этому заключается в том, что они не обращают внимания на слабые, еле уловимые морфологические различия между (27) и (28) (безударные окончания *на тарелке*—*на тарелку*, присутствие или отсутствие союза *и*), что и ведет к неправильному пониманию.

Аналогичным образом взрослые ЛУРы испытывают серьезные трудности в различении относительных придаточных (Polinsky 2011). Главная тенденция, которая при этом наблюдается, состоит в интерпретации придаточных с вынесением дополнения (30) как релятивизирующих подлежащее (29):

- (29) Где машина, [которая ~~машина~~ обьезжает по кругу велосипед]?
(вынесение подлежащего, Subject relative)
- (30) Где машина, [которую ~~машину~~ обьезжает по кругу велосипед]?
(вынесение дополнения, Object relative)

Со статистически значимой частотой ЛУРы интерпретируют предложения, подобные (30), как вынесение подлежащего, то есть воспринимают их как (29). Это хорошо видно из того, как они соотносят предложения типа (29) и (30) с картинками, приведенными на рис. 3 и 4. Так, вместо того, чтобы соотнести (30) с рис. 4, ЛУРы выбирают для ответа на этот вопрос рис. 3. Носители языка практически не делают таких ошибок.

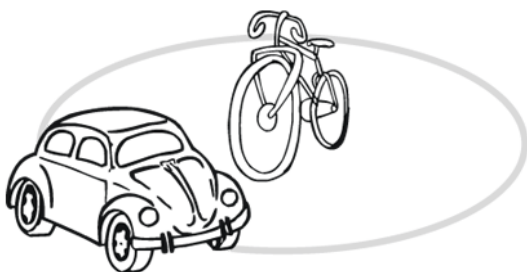

Рис. 3. Ср. (29)

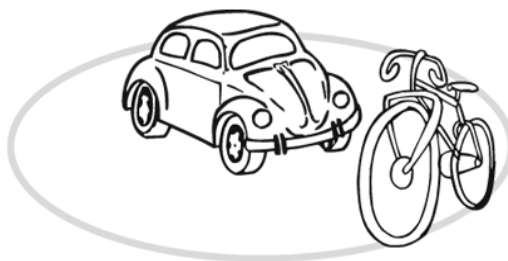

Рис. 4. Ср. (30)

Что же приводит к такому неадекватному выбору? Дело здесь в том, что при отсутствии морфологических показателей (которые ЛУРам трудны или недоступны) в силу вступает универсальный принцип интерпретации: относительное предложение описывает подлежащее (Keenan and Comrie 1977, Schwartz 2007, Polinsky et al. 2011). Именно по такому принципу носитель русского языка в метрополии будет склонен интерпретировать относительное придаточное с многозначной морфологией:

- (31) Где автобус, который везет на буксире грузовик?
(автобус является везущей силой)

Завершая описание языка ЛУРов, мы хотели бы остановиться на их коммуникационной компетентности. Несмотря на лексические пробелы и

грамматические лакуны, влекущие за собой реорганизацию всей структуры языка, ЛУРы способны достаточно адекватно выражать свою коммуникативную интенцию при общении. Например, в недавнем исследовании одного из авторов этой статьи (Dubinina 2010) было проведено сравнение двух групп русскоговорящих, ЛУРов и носителей языка из метрополии, в котором испытуемые должны были сформулировать вежливую просьбу, отвечая на поставленную перед ними коммуникативную задачу. В первой коммуникативной ситуации предполагались равные социальные статусы коммуникантов: испытуемые должны были попросить конспект урока у своего сокурсника в связи с пропущенной лекцией и приближающейся контрольной. Во второй ситуации вводилась социальная иерархия коммуникантов (преподаватель и студент); испытуемые должны были попросить преподавателя одолжить принадлежащую ему редкую книгу, которой нет в библиотеке и которую невозможно купить.

В пилотном эксперименте приняли участие 10 ЛУРов и 10 носителей языка (контрольная группа). Все испытуемые были ровесниками и студентами вузов. Несмотря на очевидные грамматические недостатки, по способу оформления просьбы ЛУРы в первом приближении не отличаются от своих ровесников в метрополии: в обеих ситуациях обе группы в основном прибегали к косвенной конвенциональной формуле просьбы – вопросу о возможностях собеседника выполнить действие, например, (32). Более того, структура просьбы в обеих группах была одинаковой.

(32) Ты не могла бы мне одолжить конспект буквально на пару часов?

Собственно просьбе, показанной в (32), предшествовало так называемое предварение: объяснение причин просьбы, иногда извинение за беспокойство, обещание награды за исполнение просьбы, предложения по уменьшению степени беспокойства и т.д., например:

(33) София, мне одолжения надо попросить у тебя... Я пропустил последний класс, у меня очень сильно голова болела, и у нас экзамены,

контрольная работа через 3 дня... *можно мне, пожалуйста, посмотреть конспект урока?* (из речи ЛУРа)

- (34) Слушай, так голова болела, вообще, никогда такого ещё не было, ужас просто, наверно, на погоду. Знаешь, у нас контрольная, ну ты как бы в курсе, да? *Ты не могла бы мне конспект одолжить*, буквально на один день? (из речи носителя языка, контрольная группа)

Однако в самом оформлении высказывания, непосредственно выражающего просьбу, были обнаружены значительные различия между двумя группами. В обеих ситуациях носители языка из метрополии использовали в основном модальный глагол *мочь* и конвенциональные грамматические способы митигации воздействия на адресата: сослагательное наклонение и/или отрицательную частицу, ср.

- (35) Ты не могла бы мне конспект одолжить?
 (36) ... ты не можешь мне дать переписать лекцию?
 (37) Вы не могли б мне дать книгу на пару вечеров?

ЛУРы же чаще всего прибегали к использованию безличной формы *можно* в сочетании со словом *пожалуйста*:

- (38) Можно мне, пожалуйста, посмотреть конспект урока?
 (39) Можно я, пожалуйста, на несколько часов возьму и перепишу конспект?
 (40) Можно мне, пожалуйста, пролистать и скоро вернуть?

Иллокутивная функция высказываний в (38)-(40) ясна, и адресат, без сомнения, понимает цель, которую преследует говорящий, а следовательно, ЛУРы достигли цели коммуникации, правильно выразив свою коммуникативную интенцию. Однако носитель языка не может не подметить некоторые несоответствия в построении этих просьб. Во-первых, использование безличного *можно* в сочетании с *пожалуйста* звучит

неестественно¹⁷, а во-вторых, это же безличное *можно* превращает высказывания ЛУРов в просьбы о разрешении, а не об одолжении, что не вполне соответствует заданным социальным параметрам. Конечно, можно предположить, что разница в социальных статусах коммуникантов во второй ситуации (преподаватель-студент) оправдывает такое решение, но остается необъяснимым выбор такой формы просьбы в первой ситуации.

Чем же обусловлено такое коммуникативное поведение ЛУРов? В ответе на этот вопрос имеет смысл отдельно рассмотреть употребление *можно* и употребление *пожалуйста*. Неадекватное употребление *можно* вызвано, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, социализация ЛУРов в коммуникативные нормы русского языка происходит в узком семейном кругу, где детьми они просят больше о разрешениях, чем об одолжениях, что ведет к частому употреблению *можно*. Во-вторых, ЛУРы одновременно социализируются в англоязычную среду, где модальные глаголы *can/could* и *may* во многих просьбах взаимозаменяемы. ЛУРы, вероятно, делают вывод, что безличная модальная форма *можно* является эквивалентом английского модального глагола *can/could*, который используется в косвенных конвенциональных английских просьбах. В результате, *можно* в языке ЛУРов перестает обозначать вопрос о разрешении и в сочетании с *пожалуйста* становится их формулой для конвенциональной вежливой просьбы.

Что касается употребления *пожалуйста*, нам представляется, что его экспансия связана с функциональными изменениями в семейном русском языке. ЛУРа́м часто не достает языковых формул, доступных простому носителю языка, а следовательно, не хватает уверенности в своей языковой компетентности. При этом они интуитивно понимают, что выражение просьбы может поставить слушающего в неловкое положение (так называемый *face threatening act*, Brown and Levinson 1987), а следовательно требует особой речевой деликатности. В отсутствии конвенционального

---

¹⁷ Безусловно, конструкции с *можно пожалуйста* встречаются и в языке метрополии, но они как правило используются с существительными, а не с глаголами: *Можно мне стакан чая, пожалуйста?*

репертуара морфологических способов усиления вежливости (сослагательное наклонение, отрицание), ЛУРЫ прибегают к наиболее очевидной стратегии: использованию «безопасного» лексического маркера вежливости – *пожалуйста* - даже в косвенной просьбе, что непринято в языке метрополии, тем более, что это вполне соответствует прагматической конвенции английского языка, на который ЛУРЫ и опираются:

(41) #Ты можешь, пожалуйста, дать мне конспект? (ср: *Can you please give me your class notes?*)

Интересно, что ЛУРЫ полагаются на лексический маркер вежливости и в восприятии просьб, обращенных к ним, особенно когда используется императивная конструкция:

(42) Молодой человек, закройте, пожалуйста, окно.

(43) Молодой человек, закройте окно.

Оценивая степень вежливости данных высказываний,¹⁸ ЛУРЫ сочли пример (43) грубой (40%) или во всяком случае невежливой (60%) просьбой. Между тем, среди носителей языка только 20% сочли это высказывание грубым, по сравнению с (42). Другими словами, ЛУРЫ не прощают собеседнику нежелание использовать слово "пожалуйста" в данной просьбе.

Сравнение высказываний в (35)-(37) с высказываниями в (38)-(40) указывает на еще одно различие между просьбами, которые формулируют носители языка и ЛУРЫ. Последние ориентируются на говорящего, т.е. на себя (в нашем исследовании это зафиксировано в 90% случаев), а носители языка в основном ориентируют свои просьбы на адресата (60% просьб в

---

¹⁸ Участники исследования оценивали данные высказывания, а также те, которые содержатся в (44)-(47), на основе печатного текста (без поддержки аудио). Они были проинструктированы представить себе ситуацию, в которой незнакомый мужчина обращается к ним в автобусе с некоторым высказыванием, а затем оценить, является ли данное высказывание просьбой, если да, то какова степень ее вежливости.

нашем исследовании). Внимание к самому себе полностью соответствует англоязычному речевому поведению (Wierzbicka 1991), которое, в отличие от русского речевого этикета, основывается на выражении нужд говорящего¹⁹.

Если же посмотреть на то, как ЛУРы воспринимают языковые нюансы, которые придают просьбе большую или меньшую степень вежливости (например, вид глагола или порядок слов в предложении), то там наблюдается явная потеря чувствительности к таким деталям у ЛУРов. Когда участников данного исследования попросили оценить степень вежливости двух просьб ((44) и (45)), они заметили изменение в порядке слов: если 40% из них считали просьбу в (42) несколько невежливой, то уже 55% дали просьбе в (43) такую же негативную оценку. Однако, ЛУРы не почувствовали степень этой невежливости. Только 10% из них посчитали такую просьбу (45) явно невежливой по сравнению с 50% у носителей языка.

(44) Молодой человек, вы не закроете окно?

(45) Молодой человек, окно вы не закроете?

В русском языке изменение вида глагола в просьбе-вопросе может повлиять на восприятие его иллокутивной функции: вопросительное высказывание с глаголом в форме совершенного вида и с отрицанием воспринимается конвенционально как вежливая просьба. Такое же высказывание с глаголом несовершенного вида может восприниматься или как вопрос об информации (*да/нет; буду/не буду*), или как просьба-

---

¹⁹ Концентрация языкового внимания к себе в английском языке подробно рассматривается в недавнем исследовании русскоязычной диаспоры Людмилы Исуриной (Isurin 2011). Она рассматривает соотношение собирательных местоимений (например, *мы* или *наши*) и индивидуалистических местоимений (например, *я* и *мое*) в автобиографических повествованиях четырех групп людей: две группы состоят из монолингвов (носители русского языка и носители английского языка) и две группы состоят из билингвов, говорящих на русском и английском, но имеющих разную степень интеграции в американское общество. Исурина показывает, что в обеих группах билингвов есть четкая тенденция к повышенному вниманию к себе в повествовании (что соответствует предпочтениям англоговорящих монолингвов), тогда как русскоязычные монолингвы ориентируют свои повествования на группу.

напоминание (возможно, с оттенком раздражения, в зависимости от интонации). Сравним (46) и (47):

(46) Молодой человек, вы не закроете окно?

(47) Молодой человек, вы не будете закрывать окно?

Носители языка четко реагируют на такое изменение в виде глагола: 55% из них не восприняли (47) как просьбу, а 35% сказали, что если это и просьба, то нетипичная и странная. ЛУРы же отреагировали на изменение вида глагола только тем, что посчитали такое высказывание нетипичной просьбой (50%), и лишь 20% не увидели в нем просьбы.

В целом же, ЛУРы сравнимы с носителями языка в способности различать косвенные просьбы (в виде вопросов) от просто вопросов и воспринимать степень вежливости просьбы, хоть и не совсем с таким же уровнем чувствительности.

Итак, носители русского языка во втором поколении способны выполнять рутинные коммуникационные задачи, хоть и с отклонениями от нормы языка метрополии, но испытывают трудности, как при порождении речи, так и при понимании, и конечно, весьма далеки от своих ровесников, выросших и учившихся в метрополии. Однако для них далеко не все потеряно: все больше и больше студентов американских вузов, выросших в русских семьях, выказывают желание изучать русский язык и улучшать свои навыки (Kagan and Dillon 2010; Carreira and Kagan in press).²⁰

Прямым следствием интереса эмигрантов второго поколения к их семейному языку является то, что все большее число таких эмигрантов записывается на курсы русского языка в университетах, и в результате все

---

²⁰ Желание говорить по-русски объясняется рядом причин: многие хотят использовать последнюю возможность общаться со своими бабушками и дедушками; иные мечтают поехать в Россию, встретиться с родственниками, живущими там, и лучше понять культуру, историю и язык метрополии. Для многих важно суметь передать русский язык своим будущим детям. И наконец, некоторые из эмигрантов второго поколения надеются использовать свои знания русского языка в будущей работе.

большее число университетов создает курсы «Русский для русских». Уже появился учебник для таких студентов (Kagan et al. 2003), а их присутствие на занятиях вынуждает педагогов коренным образом менять привычные приемы преподавания русского языка как иностранного (см. обзор новых педагогических задач, поднимаемых таким преподаванием, в Geisherik 2008).

Сами студенты хорошо понимают, что им необходимо расширить владение разными стилями русского языка, и стремятся улучшить свое умение писать и читать по-русски. Ниже мы приведем несколько примеров текстов, написанных студентами одного из авторов этой статьи в Университете Брендэйс. Начнем с примеров из начального курса «Русский для русских», целью которого является дать студентам-ЛУРа основы грамотности, расширить их лексический запас и развить их внимание к морфологическим деталям и к правильным грамматическим сочетаниям слов. Одним из заданий в этом курсе являлись еженедельные посты на блоге. Студенты могли писать о чем угодно по 3-4 предложения. При этом им нельзя было пользоваться какой-либо компьютерной проверкой орфографии.

Пример (48) взят из блога девушки, приехавшей в США в 8 лет и прожившей школьные годы с англоязычными приемными родителями. Эта девушка сама научилась читать и писать по азбуке, так как еще в школе начала стыдиться своего неумения читать и писать по-русски; уже будучи первокурсницей она записалась на курс «Русский для русскоговорящих», где впервые попала в ситуацию изучения языка в академической обстановке:

(48) Я хочу слышать любэ, я уже их давно не слышала! Я моем брата отдала все мое музыку. Я сейчас скучаюсь за его. Скура я его буду видеть. Я хочу что бы экзамины закончелись что бы я могу мою семью видеть!

Пример (49) – из блога студента, приехавшего в США из России в возрасте одного года; этот молодой человек научился читать и писать по-русски только благодаря курсу «Русский для русскоговорящих» в одном из американских университетов:

(49) Раз я долго не добавлял к блогу, я буду сейчас в форме сказке. Довно назат, в африке был алигатар. Он был старьи и болной. Он жыл сам свбои под болшим дубом. Один ден в енваре, он решил то что иму надаела быт варике. Алигатар решил то что имк важно увидит другие континенти. Он сабрал все сваи вещи ну не знал как он будит потушествовать. Он решил построет лодку потому что он боялся висату. Он сабрал драва и гвозди и начел молотком роботат. Ну алигатар лубыл быт вхорошах условиях. По этому он начел строит и вану, и бану, и гамак, и всякие другие веши²¹.

Нетрудно заметить, как много ошибок в этих блогах, нетрудно также заметить сходство с тем, как пишут по-русски маленькие дети, еще не начавшие ходить в школу, и нетрудно впасть от всего этого в глубокий пессимизм. Наверное, неудивительно, что стремление замечать ошибки в произведениях эмигрантов второго поколения очень сильно: ведь от них ждут, что они будут похожи на своих сверстников в метрополии, и это ожидание, вызванное сознанием того, что они многое могут сказать и, как кажется, многое понимают, окрашивает восприятие их языкового уровня. При таких ожиданиях нетрудно предаться тоске об утрате языка. Но стоит подумать и о том, как мало им было дано: они не ходили в русскую школу, они не смотрели с утра до ночи русское телевидение, они лишь 12 процентов времени говорили по-русски со своими сверстниками, и даже их родители не смогли донести до них язык в чистой форме... И если посмотреть на них с иной точки зрения: как прочен язык даже тогда, когда ему не хватает питательной среды, — то оказывается, что есть причины и для оптимизма. Этого оптимизма только прибывает, если посмотреть, насколько существенно продвигаются студенты в курсах русского языка, специально нацеленных на

---

²¹ Безусловно, многие ошибки являются простыми опечатками, т.к. у этих студентов не развит навык печатания по-русски. Посты на блоге как раз и были практикой печатания, так же как и практикой письма.

ЛУРов. Сравните приведенные выше тексты с сочинением студента более продвинутого уровня. Как и другие, он вырос в США, по-русски он говорил только дома, научился азбуке сам, а в Брендайсе прошел продвинутый курс русского языка для ЛУРов. Вот отрывок из его поста на блоге, посвященном курсу по русской литературе XX века:

(50) Я соглашусь с тем фактом что средний русский человек будет знать больше стихов наизусть чем тот же американец. Я даже смирюсь с предположениям что русский может читать больше литературы чем американец, но я как гордый патриот, не готов уступить и полностью принять что у русских ближе отношения к поэзии чем у нас. КПСС считала что поэзию обязательно читать всем. Почему? потому что она легче за-поминается чем проза и потому что она более соответствует целям пропаганды.

Мои бабушки и дедушки тоже легко цитируют те стихи которые мы читаем, но не с особенной любовью к словам, а с простой гордостью что всё так помнят как будто готовы что бы кто то им пятёрку вручил. Я лично, в школе тоже некоторые стихи запоминал; конечно не в таком количестве как в Советском Союзе, но мы стихи тоже наизусть учили... Например, я никогда не забуду Роберта фроста "золотое таким не остаётся." И ещё ежегодно, начиная с седьмого класса, мы в классе читали хотя-бы одно произведения Шекспира. И если он не великий поэт, тогда я даже не хочу знать поэзию.

Путь от языка, примеры которого показаны в (48) и (49), к языку, представленному в (50), нельзя пройти, не прилагая усилий, но то, что эмигрантов второго поколения можно максимально приблизить к уровню их сверстников в метрополии, видно из сравнения наших примеров. ЛУРа́м гораздо легче достигнуть более высокого уровня, чем студентам, изучающим русский язык как иностранный. Понимание того, как достичь этого уровня у

ЛУРов должно опираться на понимание структурных и социальных характеристик языка в эмиграции, и мы надеемся, что эта работа поможет нам чуть ближе подойти к такому пониманию. Не стоит сравнивать русский язык метрополии с русским языком эмиграции; гораздо разумнее разобраться в особенностях последнего и проанализировать их, с тем, чтобы иметь теоретическую базу, позволяющую подготавливать преподавателей русского как семейного языка и создавать учебные материалы, отвечающие особым языковым нуждам ЛУРов, что позволит сблизить их язык с языком их сверстников в метрополии.

Заключение

Подведем итоги. На русском языке в США говорит достаточно большое количество эмигрантов, приехавших в страну в 1970-1990 гг. Несомненно, русская эмиграция в США неоднородна, и ее язык надо описывать с вниманием к месту проживания, региону в России, откуда приехал эмигрант, социальному и культурному положению этого эмигранта в американском обществе, степени его интеграции и другим факторам. Однако на всю эту пеструю картину накладывается крупномасштабное деление языка эмигрантов на две категории, которым и была посвящена эта статья: язык эмигрантов первого поколения и второго (или если угодно, 1.5 и 2) поколения. Язык первого поколения отличается от языка метрополии в основном лексически, но есть и некоторые грамматические отклонения. Язык второго поколения (в предложенной нами терминологии, язык ЛУРов) претерпевает существенно более серьезные изменения, подчас делающие его весьма отличным от русского языка метрополии, что, конечно, не может не завораживать лингвиста. Научные исследования этого языка позволят пролить свет на многие проблемы современного языкознания, включая такие вопросы как: что необходимо языку для выживания в условиях существования другого, доминирующего языка, и какие грамматические структуры более подвержены изменениям в экстремальных условиях отсутствия нормальной питательной среды. Такие исследования также позволяют пересмотреть наше

понимание прочности родного (хронологически первого в ситуации билингвизма) языка и условий, способных разрушить или сохранить его. Таким образом, изучение языка ЛУРов служит метафорическим микроскопом, который позволяет лингвисту рассмотреть базовое строение человеческого языка «на клеточном уровне».

С точки зрения преподавания серьезный анализ языка ЛУРов нужен для того, чтобы найти новые способы возрождения и развития языковой компетенции. Ведь с русским языком у ЛУРов связано многое: память детства и отношения в семье и, мы надеемся, хотя бы в какой-то степени будущее, в котором они смогут читать ту литературу, которую привезли из России их родители. Мы хотели бы закончить словами еще одного из студентов Брендэйса, чей текст мы приводим без коррективов:

"Я думаю что моя любовь к чтению началось когда я был маленький. Моя мама и мой папа читали мне детские сказки каждую ночь по-русски. Я любил слушать и как сразу я мог читать, я сразу начал читать эти сказки (но по-английски). Моя семья любит читать и у нас много книг в доме. Мы привезли много из наше коллекции из России и мы здесь купили много книг тоже. В моей домашней библиотеке есть большая коллекция Русской классике как Чехов, Толстой, и Достоевский. Моя мечта читать эти книги по-русски."

Литература

- Гловинская, М.Я. 2001. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции. // В: Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.—Вена: Wiener slawistischer Almanach, Munich, Germany. 341–492. (498 pages)
- Гловинская, М.Я. 2004. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia* 24, 13–20. Helsinki, Finland: University of Helsinki Press. (266 pages)
- Земская, Е.А., ред. 2001. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты М.—Вена: Wiener slawistischer Almanach, Munich, Germany. (498 pages)
- Кронгауз, М.А. 2008. *Русский язык на грани нервного срыва*. М.: Знак: Яз. славянских культур. (448 pages)
- Левонтина, И.Б. 2010. *Русский со словарем*. М.: Азбуковник. (335pages)
- Пфандль, Х. 1994. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны. *Русский язык за рубежом*, Moscow, Russia: 1994, 5-6, 101-108.
- Algeo, J. and T. Pyles. 2004. *The origins and development of the English language*. Boston: Wadsworth. (384 pages)
- Andrews, D. 1993a. American-Immigrant Russian: Socio-Cultural Perspectives on Borrowings from English in the Language of the Third Wave. *Language Quarterly*, Chicago, IL: 31, 153-176.
- Andrews, D. 1993b. American Intonational Interference in Emigre Russian: A Comparative Analysis of Elicited Speech Samples. *Slavic and East European Journal*, Los Angeles, CA: 37, 2, 162-177.
- Andrews, D. 1994. The Russian Color Categories Sinij and Goluboj: An Experimental Analysis of Their Interpretation in the Standard and Emigre Languages. *Journal of Slavic Linguistics*, Bloomington, IN: 2, 9-28.
- Andrews, D. 1999. *Sociocultural perspectives on language change in diaspora*. Amsterdam: John Benjamins. (182 pages)
- Andrews, D. 2001. Teaching the Russian Heritage Learner: Socio- and Psycholinguistic Perspectives." *Slavic and East European Journal*, Los Angeles, CA: 45.3, 103-114.
- Andrews, D. 2006. The Role of Emigre Russian in Redefining the "Standard". *Journal of Slavic Linguistics*, Bloomington, IN: 14, 169-189.
- Backus, A. 1996. *Two in one. Bilingual speech of Turkish immigrants in the Netherlands*. Tilburg: Tilburg University Press. (420 pages)
- Benmamoun, A., S. Montrul and M. Polinsky. 2010. Prolegomena to heritage linguistics. White paper, Harvard University, Cambridge, MA.
<http://www.fas.harvard.edu/~herpro/home.htm>
(accessed 12/29/2010)
- Benson, M. 1960. American Russian. *American Speech*, Durham, NC: 35, 163-174.
- Berman, R. and D.I. Slobin. 1994. *Relating events in narrative: A crosslinguistic*

- developmental study*. Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum. (768 pages)
- Bermel, N. and O. Kagan. 2000. The maintenance of written Russian in heritage speakers. In O.Kagan & B. Rifkin (eds.), *The learning and teaching of Slavic languages and cultures*, 415-437. Bloomington, IN: Slavica. (704 pages)
- Borer, H. 1989. Anaphoric AGR. In O. Jaeggli and K. Safir (eds.), *The null subject parameter*, 69-109. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer. (332 pages)
- Brown, P. and S. Levinson. 1987. *Politeness: Some universals in language use*. Cambridge: Cambridge University Press. (352 pages)
- Carreira, M. and O. Kagan. In press. The results of the National Heritage Language Survey: Implications for teaching, curriculum design, and professional development. *Foreign Language Annals*, Alexandria, VA.
- Dubinina, I. 2010. How to ask for a favor: A pilot study in heritage Russian pragmatics. In A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin (eds.), *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. *Slavica Helsingiensia* 40 (pp. 418-430). Helsinki, Finland: University of Helsinki Press. (457 pages).
- Geisherik, A. 2008. *Aspects of teaching literacy to heritage learners of Russian: Linguistic and methodological aspects of accommodating heritage speakers in Russian language courses at the university level*. Bochum: VDM Verlag. Stony Brook, NY. (172 pages)
- Halmari, H. 2005. "I'm forgetting both": L1 maintenance and codeswitching in Finnish-English language contact. *International Journal of Bilingualism*, London, England: 9, 397-433.
- Isurin, L. 2000. Deserted Island or a Child's First Language Forgetting. *Bilingualism: Language and Cognition*, Cambridge, England: 3, 151-166.
- Isurin, L. 2007. Teachers' Language: L1 Attrition in Russian-English Bilinguals. *The Modern Language Journal*, Monterey, CA: 91, 357-371.
- Isurin, L. and T. Ivanova-Sullivan. 2008. Lost in Between: The Case of Russian Heritage Speakers. *Heritage Language Journal*, Los Angeles, CA: 6, 1, 72-104.
- Isurin, L. 2011. *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. (234 pages)
- Kagan, O., Akishina, T., and Robin, R. 2003. *Russian for Russians: Textbook for Heritage Speakers*. Bloomington, IN: Slavica. (300 pages)
- Kagan, O. and K. Dillon. 2010. Russian in the United States In K. Potowski (ed.), *Language diversity in the United States*, 179-194. Cambridge: CUP, Cambridge, England. (346 pages)
- Keenan, E.L. and B. Comrie. 1977. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry*, Cambridge, MA: 8, 63-99.
- Laleko, O. 2008. Compositional telicity and Heritage Russian aspect. In M. Grosvald and D. Soares (eds.), *Proceedings of the Thirty-Eighth Western Conference on Linguistics (WECOL)*. Davis, CA: Vol. 19, 150-160.
- Laleko, O. 2010. *The syntax-pragmatics interface in language loss: Covert restructuring of aspect in Heritage Russian*. Ph.D. Dissertation, University of Minnesota, Minneapolis, MN. (268 pages)
- Mayer, M. 1967. *A boy, a dog, and a frog*. New York: Dial Books. (32 pages)
- Melnik, N. 2007. Extending partial pro-drop in Modern Hebrew: A comprehensive

- analysis. *Proceedings of HPSG07 Conference*, Stanford, CA.
 csli-publications.stanford.edu/HPSG/8/melnik.pdf
 (accessed 1/19/11)
- Mikhaylova, A. 2006. Second language influence among Russian-English late bilinguals: experimental study. *Inostrannye Jazyki v Vysshej Shkole*, Ryazan State University Press, Ryazan, Russia: 3, 110-119.
- Montrul, S., and M. Polinsky. 2011. Why not heritage speakers? *Linguistic Approaches to Bilingualism*, Amsterdam, The Netherlands: 1, 87-92.
- Myers-Scotton, C. 1993. *Dueling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching* Oxford: Clarendon Press. (304 pages)
- Myers-Scotton, C. 2002. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press. (342 pages)
- Pavlenko, A. 2003. I feel clumsy speaking Russian: L2 influence on L1 in narratives of Russian L1 users of English. In V.Cook (ed.). *Effects of the second language on the first*, 32-61. Buffalo: Multilingual Matters. (280 pages)
- Pereltsvaig, A. 2008. Aspect in Russian as Grammatical Rather than Lexical Notion: Evidence from Heritage Russian. *Russian Linguistics*, Secaucus, NJ: 32, 27-42.
- Polinsky, N. 1997. American Russian: Language loss meets language acquisition. In Wayles Browne et al. (eds.), *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 370-406. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. (160 pages)
- Polinsky, M. 2000. A composite linguistic profile of a speaker of Russian in the U.S. In O.Kagan and B. Rifkin (eds.), *The learning and teaching of Slavic languages and cultures*, 437-469. Bloomington: Slavica. (704 pages)
- Polinsky, M. 2006. American Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, Bloomington, IN: 14, 191-287.
- Polinsky, M, Kagan O. 2007. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, Oxford, England. 1(5), 368-395.
- Polinsky, M. 2008a. Without aspect. In G. Corbett and M. Noonan (eds.). *Case and grammatical relations*, 263-282. Amsterdam: John Benjamins. (290 pages)
- Polinsky, M. 2008b. Heritage language narratives. In D. Brinton, O.Kagan and S.Bauckus (eds.), *Heritage language education: A new field emerging*, 149-164. New York: Routledge. (384 pages)
- Polinsky, M. 2008c. Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization. *Heritage Language Journal*, Los Angeles, CA: 6 (1).
<http://www.internationalucla.edu/languages/heritagelanguages/journal/article.asp?parentid=75825>
 (accessed 2/4/2011)
- Polinsky, M. 2011. Reanalysis in adult heritage language. *Studies in Second Language Acquisition*, Bloomington, IN: 45.
- Polinsky, M., E. Kravtchenko, and C. Gomez Gallo. 2011. Subject preference and ergativity. *Lingua*, Maryland Heights, MO: 122(3): 267-277.
- Poplack, S. 2004 Code-switching. In U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier and P. Trudgill (eds.), *Sociolinguistics. An international handbook of the science of language and society*, 589-596. 2nd edition. Berlin: Walter de Gruyter. (875 pages)

- Potowski, K. 2010. Language diversity in the United States: dispelling common myths and appreciating advantages. In K. Potowski (ed), *Language diversity in the United States*, 1-24. Cambridge: CUP. (346 pages)
- Schmitt, E. 2000. Overt and covert code-switching in Russian immigrant children. *International Journal of Bilingualism*, London, England: 4, 9-28.
- Schwartz, F. 2007. Processing presupposed content. *Journal of Semantics*, Oxford, England: 24, 373-416.
- Sekerina, I. A., and Y. Pugach. 2005. Cross-linguistic variation in gender use as a parsing constraint: Dutch vs. Russian. In Franks, S., Gladney, F. Y., and Tasseva-Kurkchieva, M. (Eds.), *The Proceedings of the 13th Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The South Carolina Meeting 2004*, Ann Arbor, MI: 312-323. Michigan Slavic Publications. (400 pages)
- Seliger, H. and R. Vago. 1991. *First language attrition*. Cambridge: CUP. (259 pages)
- Smyslova, A. 2009. Developing four-skill literacy among adult heritage learners: Effects of linguistic and non-linguistic variables on the attainment of low-proficiency heritage students of Russian within a dedicated college-level bridge course. Ph.D. Diss., Bryn Mawr. (198 pages)
- Sorace, A. 2004. Native language attrition and developmental instability at the syntax-discourse interface: Data, interpretations, and methods. *Bilingualism: Language and Cognition*, Cambridge, England: 7: 143-145.
- Sorace, A. and Serratrice, L. 2009. Internal and external interfaces in bilingual language development: Beyond structural overlap. *International Journal of Bilingualism*, London, England: 13: 195-210.
- Thomason, S. and T. Kaufman. 1988. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press. (428 Pages)
- Wierzbicka, A.: 1991, *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*, Mouton de Gruyter, Berlin/New York. (502 pages)

Irina Dubinina

*Department of German, Russian and Asian Languages and Literature
Brandeis University*

415 South Street, MS 024

Waltham, MA 02454-9110, USA

idubinin@brandeis.edu

Maria Polinsky

Department of Linguistics

Boylston Hall Third Floor

Harvard University

Cambridge, MA 02138, USA

polinsky@fas.harvard.edu

<http://www.fas.harvard.edu/~herpro/home.htm>

